

А.Р. Царев

Кандидат философских наук, доцент Ивановского
филиала НОУ ВПО «Институт управления»

Закат Европы и его литературное отражение (на примере творчества Артура Конан Дойля и Клайва Стейнла Льюиса)

Термин «Закат Европы» стал известен после издания одноименной книги Освальда Шпенглера. Однако Шпенглер лишь обозначил основные направления данного явления. Попытки его описания обнаруживаются в творчестве и других авторов. Одни из них делали это не намеренно (А. Конан Дойл), другие же внимательно изучали (К. Льюис). Философско-культурологическому осмыслению этого феномена посвящена данная статья.

Ключевые слова: логика, методы познания, европейский кризис.

"Мещанство победит и должно победить", - пишет Герцен в 1864 году в статье "Концы и начала". "Да, любезный друг, пора прийти к спокойному и смиренному сознанию, что мещанство - окончательная форма западной цивилизации".

(Д. Мережковский "Грядущий хам")

Термин «Закат Европы» стал известен после издания одноименной книги Освальда Шпенглера. Однако Шпенглер лишь обозначил основные направления данного явления. Попытки его описания обнаруживаются в творчестве и других авторов. Одни из них делали это не намеренно (А. Конан Дойл), другие же внимательно изучали (К. Льюис).

Творчество Конан Дойля само по себе является зеркалом указанного кризиса. Автор не замечает той односторонности, которая поразила европейское сознание и даже выставляет ее как достоинство. Он вкладывает в уста своего героя (Шерлока Холмса) заявление о том, что для успешной работы тому не нужны гуманитарные дисциплины. Достаточно знания химии и других близких к криминалистике предметов. Он полностью игнорирует

философию, забывая про логику, как часть этой науки. Логика же изучает такие понятия как «доказательство», «спор», «аргументация», «методы познания» и т.п. Без всего этого любое расследование превращается в беспомощный дилетантизм. Гордо выставляя себя специалистом «дедуктивного метода» Холмс постоянно оперирует индуктивным методом (восхождение от частного к общему), путая его с методом дедуктивным (продвижение от общего к частному). Так в знаменитой «Собаке Баскервиль» Холмс говорит:

«Эта палка не из легких, собака брала ее посередине и крепко сжимала зубами, следы которых видны совершенно отчетливо. Судя по расстоянию между отметинами, для терьера такие челюсти слишком широки, а для мастифа узки. Возможно, что... Боже

мой! Ну, конечно, курчавый спаниель!» (1.) Яркий пример индуктивного метода, когда по мелкой детали (следы от зубов собаки) приходят к мнению о самом животном (курчавый спаниель). Любопытно было бы узнать, какую оценку по философии получил в свое время автор этого произведения. Вероятно не очень высокую. Поскольку окончание повести нельзя отнести ни к чему иному, как к абсурду или, мягче выражаясь, нежизненной выдумке, рассчитанной не на невзыскательного читателя. Судите сами. Приведем завершающую сцену описываемой трагедии. Вся она от начала до конца неправдоподобна.

«Чудовище несло по тропинке огромными прыжками, пригнувшись к следам нашего друга. Мы опомнились лишь после того, как оно промчалось мимо. Тогда и я и Холмс выстрелили одновременно, и раздавшийся вслед за этим оглушительный рев убедил нас, что по меньшей мере одна из пуль попала в цель. Но собака не остановилась и продолжала мчаться вперед. Мы видели, как сэр Генри оглянулся, мертвенно-бледный при свете луны, поднял в ужасе руки и замер в этой беспомощной позе, не сводя глаз с чудовища, которое настигало его. Но голос вызвавшей от боли собаки рассеял все наши страхи. Кто уязвим, тот и смертен, и если она ранена, значит, ее можно и убить. Боже, как бежал в ту ночь Холмс! Я всегда считался хорошим бегуном, но он опередил меня на такое же расстояние, на какое я сам опередил маленького сыщика. Мы неслись по тропинке и слышали непрекращающиеся крики сэра Генри и глухой рев собаки. Я подросел в ту минуту, когда она кинулась на свою жертву, повалила ее на землю и уже примеривалась схватить за горло. Но Холмс всадил ей в бок одну за другой пять пуль. Собака взвыла в последний раз, яростно щелкнула зубами, повалилась на спину и, судорожно дернув всеми четырьмя лапами, замерла. Я нагнулся над ней, задыхаясь от бега, и приставил дуло револьвера к этой страшной светящейся морде, но выстрелить мне не пришлось - исполинская

собака была мертва. Сэр Генри лежал без сознания там, где она настигла его. Мы сорвали с него воротничок, и Холмс возблагодарил судьбу, убедившись, что он не ранен и что наша помощь подоспела вовремя».(2.)

Попасть в темноте в черную собаку весьма большая удача. Но как быть с тем обстоятельством, что за то время, пока наши доблестные сыщики бежали к несчастному сэру Генри Баскервилю, собака уже настигла его. По какой-то странной логике она не стала его тотчас же грызть, а зачем-то издавала «глухой рев». Если учесть, что она была ранена, то это должно было еще больше разозлить ее. Рана не была смертельной, поскольку понадобилось еще пять пуль Холмса. Но нереальность сцены заключается даже не в этом. Ее надуманность проявляется, прежде всего, в том, что молодой Генри Баскервиль описан как человек, приехавший из Америки в которой уже к тому времени сложился культ оружия. Сам он богатый наследник поместья и вполне мог бы себе позволить покупку пистолетов. Он знает, что никто его не защищает. Холмс уведомил его об отъезде вместе с Ватсоном в Лондон. Знает он и то, что собака реальна. Он слышал ее вой доносящийся из глубин Гремпингской трясины.

И вот при всем при этом он идет в ночное время совершенно *безоружным*. Так поступить может только безумец. Но Генри Баскервиль не безумец. Он просто выдумка писателя Конан Дойла, который не удосужился связать характер героя с финальной сценой произведения. Он замирает от ужаса вместо того, чтобы из двух кольтов или смит-вессонов, первым стрелять по ужасной собаке. Здесь-то мы и видим проявление односторонности Конан Дойла, которой так ярко писатель охарактеризовал своего Холмса.

Образ последнего сам по себе также носит печать «Заката Европы». «Великий сыщик», не желающий знать логики, много курит, не верит в Бога (писатель нигде не упоминает о его вероисповедании), является эгоистом и женоненавистником. Собственную односторонность писатель

передает и своему литературному созданию.

"Невежество Холмса было так же поразительно, как и его знания, - пишет он в "Этюде в багровых тонах", - О современной литературе, политике и философии он почти не имел представления. Мне случилось упомянуть имя Томаса Карлейля, и Холмс наивно спросил, кто он такой и чем знаменит. Но когда оказалось, что он ровно ничего не знает ни о теории Коперника, ни о строении солнечной системы, я просто опешил от изумления. Чтобы цивилизованный человек, живущий в девятнадцатом веке, не знал, что Земля вертится вокруг Солнца, - этому я просто не мог поверить!" (3.) В целом писатель представляет нам отрицательный персонаж, личность в которой фактически отсутствуют положительные черты. Непонятны причины его женоненавистничества. Лишь один раз его пленяет преступница Ирэн Адлер. Но и с ней Холмс не завязывает никаких прочных отношений. Ему чужды отцовские чувства. Мало того... Холмс... наркоман. Он постоянно употребляет наркотики. В "Знаке четырех" "Шерлок Холмс взял с камина пузырек и вынул из аккуратного сафьянового несессера шприц для подкожных инъекций. Нервными длинными белыми пальцами он закрепил в шприце иглу и завернул манжет левого рукава. Несколько времени, но недолго он задумчиво смотрел на свою мускулистую руку, испещренную бесчисленными точками прошлых инъекций. Потом вонзил острие и откинулся на спинку плюшевого кресла, глубоко и удовлетворенно вздохнул.

Три раза в день в течение многих месяцев я был свидетелем одной и той же сцены, но не мог к ней привыкнуть. Наоборот, я с каждым днем чувствовал все большее раздражение и мучался, что у меня не хватает смелости протестовать...

- Что сегодня, - спросил я, - морфий или кокаин? Холмс лениво отвел глаза от старой книги с готическим шрифтом.

- Кокаин, - ответил он. - Семипроцентный. Хотите попробовать?" (4.)

Описывая своего героя как потребителя героина и морфия, Дойл вовсе не хотел его унижить. Эти препараты продавались в то время в аптеках Англии и ими пользовались многие люди. Наркомания была естественным выражением тогдашнего образа жизни, признаком «Заката Европы» не осознаваемым большинством европейцев. Таким образом, Холмс - типичный представитель загнивающего Запада, отрекающийся от культуры, традиций и верований своих предков.

Ограниченность самого Конан Дойла выпукло обнаруживается в его публицистическом труде "Англия и остальной мир. Взгляд с Бейкер - стрит". Сделав ряд серьезных замечаний по поводу современного ему состояния политической жизни Европы и США, (выдвинув идею объединения Европы) а также о состоянии внутренних дел Англии, Дойл переходит к апологии спиритизма, обнаруживая при этом чудовищное невежество в области религиоведения. Он бросает христианству упреки, которые легко бы смог ему разъяснить любой сельский православный священник в России. Но вероятно знаний, полученных во время обучения в иезуитском колледже, было явно недостаточно. Дойл твердо стоит на позициях рационализма, утверждая, что чудес не бывает, а все, что к ним относят - это слабости науки, которые исчезнут вместе с ее развитием. При этом он не отрицает Верховного Владыку, но нигде не называет его Богом. Этим он ничем не отличается от якобинцев времен Великой французской революции поклонявшихся "Верховному Существу". Чужды ему и Никейский Символ Веры, и идея Троицы, и крестные страдания Христа Спасителя. Единственное, что он готов принять в христианстве - это принципы не православной, а скорее пуританской морали, которые он отделяет от жизни самой Церкви, объявляя ее устаревшей. На ее место он советует поставить церковь

спиритов, которую будет поддерживать наука будущего "плазмология". Христа Спасителя он считает великим медиумом и все его чудеса сводит к спиритическим опытам. "Я дерзну выдвинуть утверждение, - пишет он, - что среди многих форм медиумизма, коими Христос владел в самой высшей форме, естественно было и автоматической письмо, через каковое, призывая подотчетные ему великие силы, он получал требуемый ответ... Если бы он говорил единственно из своего тела, он, несомненно, оказался бы подвержен ошибкам, как и все мы, ведь рассказывается же, как он спрашивал самарянку о ее муже, на что она ответила, что у нее никогда не было мужа". (5, 96.) С позиции Дойла Господь не знал, что у самарянки нет законного мужа. Но вот как это описано в Евангелии от Иоанна: "Иисус говорит ей, позови мужа твоего и приходи сюда. Женщина сказала в ответ: у меня нет мужа. Иисус говорит ей: правду ты сказала, что у тебя нет мужа, ибо у тебя было пять мужей, и тот, которого ныне имеешь, не муж тебе; это справедливо ты сказала. Женщина говорит Ему: Господи! вижу, что Ты пророк". (Иоанн, 4, 16 - 19.)

Даже простая женщина поняла прозорливость Спасителя и признала в нем Мессию, поскольку сказала своим согражданам: "пойдите, посмотрите Человека, Который сказал мне все, что я сделала: не Он ли Христос?" (Иоанн, 4, 29.) Конан Дойл же видит в Нем лишь великого колдуна.

В другом месте своей работы он заявляет, что "когда Христос прибыл в свой родной город, жители которого не могли отнестись к нему серьезно, то он оказался не в состоянии произвести никакого чуда". (5, 95). Эту ситуацию Дойл оценивает, по всей видимости, как нечто подобное при сеансах гипноза, когда гипнотизер берет для опытов лишь самых податливых, а от устойчивых к гипнотическому влиянию отказывается. Но и тут мы видим выдергивание цитат из контекста. В Евангелии от Марка говорится, что знавшие Его люди "с изумлением говорили: откуда у Него это? что за премудрость дана

Ему, и как такие чудеса совершаются руками Его? Не плотник ли Он, сын Марии, брат Иакова, Иосии, Иуды и Симона? Не здесь ли, между нами, Его сестры? И соблазнялись о нем. Иисус же сказал им: не бывает пророк без чести, разве только в отечестве своем и у сродников, и в доме своем. И не мог совершить там никакого чуда, только на немногих больных возложив руки, исцелил их. И дивился неверию их; потом ходил по окрестным селениям и учил" (Иоанн, 6, 2-6.). Таким образом чудеса не были совершены из-за неверия жителей, из-за принципа не бросать бисера перед свиньями, то есть перед недостойными. Но все же и там, как видим, произошли исцеления, а не спиритические сеансы.

Гораздо глубже чем Конан Дойл «Закат Европы» исследовал Клайв Степлз Льюис. В своих произведениях «Мерзейшая мощь», «Записки Баламута», «Человек отменяется» и др. он показал тенденции деградации образования и культуры Англии в целом. Он давал грустную характеристику новых хозяев мира. В статье «Человек отменяется» он писал: «Поймите, я не думаю, что «они» (человекоделы или правители мира – А.Ц.) будут плохими людьми. В старом смысле слова они вообще людьми не будут. Если хотите, они – люди, сменившие принадлежность к роду человеческому на право решать, каким быть человеку. ... И тех, кого они формируют нельзя назвать несчастными людьми, ибо они – предметы, изделия. Победив природу, человек отменил человека» (6, 189-190).

В другой своей работе «Мерзейшая мощь» он говорит от имени одного из таких «человекоделов» лорда Феверстона: «Человек должен взять на себя заботу о человеке. Значит это, сами понимаете, что одни люди должны взять на себя заботу об остальных. Мы с вами хотим оказаться среди этих, главных.

- Что вы имеете в виду, - спросил его участник беседы по имени Марк, - Очень простые вещи, - отвечал Феверстон, - Прежде всего, стерилизуем негодные экземпляры, уничтожаем отсталые расы (на

что нам мертвый груз?), налаживаем селекцию. Затем вводим истинное образование, в том числе – внутриутробное. Истинное образование уничтожит возможность выбора. Человек растет таким, каким нам надо, и ни он, ни его родители ничего сделать не могут. Конечно, поначалу это коснется лишь психики, но потом перейдем на биохимический уровень, будем прямо управлять сознанием» (7, 380-381).

Как истинный идеолог «нового мира» Феверстон просит Марка участвовать в «камуфлировании» человекоделания, дезориентации людей оказавшихся жертвами этого чудовищного эксперимента.

«Вот, например,- говорит он Марку, - если пойдут слухи, что институт собирается ставить опыты на заключенных, старые девы разорутся и разохаются. Назовите это перевоспитанием неприспособленных, и все возликуют, что кончилась варварская пора наказаний. Странно, никто не любит слово «опыт»; «эксперимент» - уже получше, а «экспериментальный» - просто восторг. Ставить опыты на детях – да упаси Господь, экспериментальная школа – пожалуйста!» (7, 381).

При жизни Льюиса уже происходили попытки «човекоделов» создать нужную им породу людей – фашисты творили «арийскую расу», коммунисты в СССР – новую историческую общность «советский народ», США разрабатывали и внедряли в сознание людей идеологию «общества массового потребления».

В произведениях О.Хаксли «О, дивный новый мир», Е.Замятина «Мы» и других писателей затрагивались проблемы этого «нового мира» со всеми его явными и неявными ужасами.

Закат Европы продолжается и в наши дни. Не так давно министр сельского

хозяйства Норвегии обратился к правительству страны с просьбой отменить законодательно разрешенное скотоложство на том основании, что оно нарушает права животных, возможно, не согласных с причиняемым им насилием. О правах людей, живущих среди извращенцев и лишенных права выразить свое несогласие с таким положением дел, он почему-то не подумал. Так, от Конан Дойла и до наших дней европейский кризис лишь углубляется и многие его признаки давно уже пришли на территорию России. Для борьбы с ними необходима консолидация общественных сил и грамотное использование методов научного познания.

Библиографический список:

1. Артур Конан Дойл. Собака Баскервильей Arthur Conan Doyle. The Hound of the Baskervilles/ Перевод Н. Волжиной (<http://www.chat.ru/~ellib/>)
2. Там же.
3. Артур Конан Дойл. Этюд в багровых тонах. Arthur Conan Doyle. A Study in Scarlet. Перевод Н. Трениной. (<http://www.chat.ru/~ellib/>)
4. Артур Конан Дойл. Знак четырех. Arthur Conan Doyle. The Sign of Four Перевод М. Литвиновой. (<http://www.chat.ru/~ellib/>)
5. Конан Дойл А. Англия и остальной мир. Взгляд с Бейкер - стрит. - М.: Алгоритм, 2014
6. Льюис К.С. Размышления о псалмах. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011.
7. Льюис К.С. Космическая трилогия. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2011.

©Царев А.Р., 2014

